

Охота на
мамонта 2

Раскаленная крыша

Олег Ёлшин

Олег Игоревич Ёлшин

Охота на мамонта-2.

Раскаленная крыша

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972937

Аннотация

Начав писать этот роман, поначалу не заметил, что продолжаю книгу, которую издал несколько лет назад. Понимание пришло позже, когда герои начали мне кого-то напоминать. Та же тема, жанр, язык. Сейчас, закончив ее, так и назвал: «Охота на мамонта-2. Раскаленная крыша». Эта история... Нет, не буду посвящать читателя в подробности сюжета. Кто знаком с первой книгой – здесь найдет продолжение, новые гости смогут прочитать эту историю, как независимый роман. Книга написана в жанре мистического реализма, в котором я обычно работаю. (Не путать с фэнтези – это совсем другое.)

Содержание

Часть 1	7
1	7
2	13
3	17
4	23
5	30
6	39
7	46
8	55
9	58
10	65
11	74
12	77
13	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Олег Ёлшин

Охота на мамонта-2

(Раскаленная крыша)

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне
Матф.10:28

Было жарко. Он долго ворочался в постели, бесцельно нажимая на кнопки пульта от телевизора, включал его, потом выключал, проваливаясь в короткое забытие, но просыпался вновь. Так продолжалось долго. Посмотрел на часы – 3.50. Ночи или утра? Июльские ночи коротки, светает рано, а пока за окном висели тяжелые, зыбкие, набухшие влагой вечернего дождя, сумерки. Наконец не выдержав, соскочил с кровати и прошел на веранду. Воздух здесь был свежее, и уходить не хотелось. Сел на скамейку и задумался. Уже три дня он находился в своем загородном доме, уехав от суеты раскаленного пыльного города в эту глушь. Три дня предавался апатии и лени, не думая ни о чем. Он и сам не понимал, чего хотел. Иногда такое бегство помогает. Небо над кромками деревьев начинало светлеть, еще час-другой – оно окрасится утренней зорькой и взойдет солнце. Снова будет жара. Но пока на открытой веранде было прохладно, он жадно вдыхал

свежесть ночного воздуха.

Вдруг что-то привлекло его внимание. Это были непонятные звуки. Тяжелые звуки ритмично повторялись, приближаясь все ближе. Он оглянулся, уставившись в темноту. Ничего не заметил, а шаги были слышны все отчетливее. Они глухими ударами отдавались от мягкой поверхности газона. Иногда казалось, что чьи-то ноги вязнут в мокрой грязи и хлюпают. Откуда грязь, на участке ровный, стриженный газон?! Но, казалось, что они под тяжестью, как сваи проваливаются сквозь землю, снова выбираются наружу, продолжая издавать глухой топот. Он ничего не понимал. Дом был окружен высоким забором, через который перелезть было сложно. Почти невозможно. Да и кому это нужно? Но вот послышались еще несколько шагов. Нечто остановилось за стеной веранды и замерло. Нечто было совсем рядом. Вязкая тишина повисла в воздухе. Кто-то находился всего в метре от него за стеной!

Эй, кого там черти принесли? – воскликнул он, испугавшись собственного голоса, но в ответ тишина. В этот миг всем своим существом он чувствовал чье-то присутствие рядом. Он выглянул за створ веранды, но никого не увидел. Подошел к двери, включив свет, снова посмотрел в ту сторону, но опять никого. Пот лил по спине. Пот был противным, липким, и почему-то холодным. Пот источал запах страха. Наконец он взял себя в руки.

Ерунда какая-то! Натужно засмеялся, пробормотав: – Вот

так наверное она и приходит. Топают, вязнет, чавкает своими ножищами... Ошиблась адресом, красавица? – закричал он. – Молчишь? Иди-ка ты... сама знаешь куда. Пошла вон...

От души выругавшись, засмеялся. Стало легче.

Дьявольщина какая-то, – пробормотал он. – К черту эту дыру, – и подумал, – завтра же в Москву, куплю билеты и улечу подальше отсюда. К морю. К океану! Куда угодно!

Он вернулся в дом, включил свет, принял холодный душ, снова взял пульт от телевизора, бесцельно переключал с канала на канал и долго еще не мог уснуть.

Часть 1

1

Нежное солнце ласкало его своими утренними, но уже такими жаркими лучами, а он сидел как истукан и пристально всматривался вдаль. Взглянув на часы, зевнул и откинулся на шезлонге. Еще несколько минут, и можно будет подняться в номер. Находиться на одном месте он не умел, а без дела начинал скучать. Он отбросил в сторону журнал – солнце так слепило глаза, что читать было невозможно. Оно, отражаясь от поверхности моря миллионами огней, бесстыдно уставилось на него так, что ему захотелось зажмуриться.

Внезапно в глазах потемнело, он прикрыл их и погрузился во мрак, но и сквозь закрытые веки эти крошечные серебряные всполохи продолжали мерцать.

Что-то не так! – мелькнуло в голове. Очнулся, посмотрел на море, перевел взгляд на свое тело, распластавшееся на песке. Его ноги, руки были, словно, чужими, голова, как на шарнирах свободно вращалась, пальцы ног шевелились, просеивая песок. Он в оцепенении замер.

Что не так?

И тут понял – он мыслил, чувствовал, существовал, но... ничего не помнил! Абсолютно НИЧЕГО! А повсюду толь-

ко солнечные лучи, играющие с волнами. Кровь билась в висках! Кровь кипела в жилах! Замер, в ужасе соображая, что нужно делать. Голова кружилась! Голова сходила с ума. Огляделся – повсюду белый горячий песок, незнакомые люди, дорожки, ведущие в горы, снова море и солнце. Попытался расслабиться. Долго сидел, как истукан, стараясь не думать ни о чем и ровно дышать. В какой-то момент стало смешно. Как младенец. Беспомощный младенец! Наверное, так они чувствуют себя, когда их вынимают из коляски и выпускают на волю. Воля! Вот она какая! Но что с ней делать, когда не понимаешь и не смыслишь ничего? Огляделся – все вокруг жило разумной, кем-то придуманной жизнью, а он нечаянно выпал из нее и никому до него не было дела. Перевел взгляд на море, словно в этом был какой-то смысл. Зрелище притягивало и успокаивало. Поневоле залюбовался.

Спокойная поверхность воды, покрываясь мелкой серебристой рябью, едва колыхалась. Эти яркие точки стелились по ней, миллионами огней отражаясь на солнце. Миллионами искр вспыхивая на воде, гасли, передавая немыслимый свет все новым и новым волнам. Как будто солнце раскололось вдребезги, брызнуло горящими каплями, и те рассыпались по воде. Они, отражаясь, слепили глаза, играли веселыми огоньками, и оторваться от этого зрелища он не мог. И не хотел. А голова продолжала кружиться. Голова, тело, все его ничтожное существо было приковано к этому сияющему великолепию. Он долго смотрел вдаль, и вдруг почувствовал

себя частицей серебряной воды, белого песка, прозрачного воздуха, разгоняемого легким ветерком, высокого неба, белых облаков. Смотрел, не думая ни о чем, не помня и не ведая – где он, что с ним, почему он здесь, зачем?! В этот миг он больше не хотел ничего. Совершенно ничего. У него было все, что нужно человеку! Хотелось лишь одного – остаться здесь навсегда, лететь по небу рядом с облаками, играть с волной, горячим песком отражаться в лучах утреннего солнца, носиться вслед за чайками. И вдруг поймал себя на мысли – это было ощущение абсолютного счастья. Идиотского, неповторимого, но все-таки, счастья. Да, он не помнил ничего, просто жил, чувствовал, но такого в своей жизни не испытывал никогда. Такое было невозможно! И снова только яркие всполохи на поверхности воды...

Может быть, так и надо? – подумал он, не понимая, что с ним. Рядом какая-то женщина. Она смотрит на море, смотрит на него. Женщина улыбается. Она красива и юна, словно сошла с картины, написанной удивительным художником. Изящное раздетое Божество. Женщина улыбается ему, значит, они знакомы, но он не помнит ее! Снова стало не по себе, тело пронзила неприятная судорога, холодный пот проступил на лбу. Холодный! По такой жаре! Может быть, все так и должно быть?

Снова оглянулся – люди загорали, курили, разговаривали, смеялись.

И эти тоже ничего не помнят, не знают и не ведают? Нет,

так быть не должно!

Теперь он беспомощно оглядывался, напряженно соображая, понапрасну роясь в памяти. Попытался сосредоточиться. У него было имя, он помнил его, значит, кто-то его так назвал...

Кто? Когда?

Он превосходно себя чувствовал, ориентировался в пространстве и времени. Знал, что в этом море плавают, а по дорожкам ходят.

Куда? Зачем?

Он знал слова. Знал несколько языков и мог на них свободно разговаривать.

– Может, спросить у этой женщины?

– Что? – возразил он самому себе.

– Спросить, кто она такая? Или кто такой он?

– Дурацкий вопрос. Нет, спрашивать не будет.

И представил себе, как она посмотрит на него, словно на идиота. Снова оглянулся на море. Серебряные всполохи продолжали кружить голову, и ощущение безотчетного счастья на короткое мгновение вернулось, завладев им всецело.

Как на идиота, – опять подумал он. А взгляд этот был ему хорошо знаком. Взгляд красивой женщины, лежащей рядом. А, может быть, они не знакомы?! И видит он ее впервые? Но тогда почему она лежит рядом и улыбается? Ему улыбается! Зачем они здесь? Зачем так близко друг к другу? Он не помнил ничего, но имя этой женщины всплыло в памяти. Он

хорошо ее знал. Знал давно. Перестав улыбаться, привычно холодно окинул взглядом ее стройную фигуру и отвернулся.

Снова посмотрел на море, на яркие зарницы, рассыпаемые солнечными лучами. Было невероятно красиво, зрелище завораживало, и на какое-то время он отдался безвольному созерцанию. Только идиотское счастье постепенно уходило. Оно растворялось, как солнечные зайчики в темных волнах, таяло на жарких лучах, словно медуза, выброшенная на берег, и исчезало.

Вдруг очнулся. Пора звонить! Захотелось вскочить, отряхнуть песок, бежать куда-то... Совершенно не помнил – куда! Без этой женщины он не мог ступить ни шагу! Какой ужас! Может, все-таки спросить?

Он замер прищурив глаза, и уставился на нее. Заметил на руке дорогой браслет, сверкающий на солнце. Ничего он спрашивать не будет, как и там, в своем офисе, где все решает только сам... А эти бездельники не способны ни на что! Пока он здесь, можно представить, что там творится – ни на кого нельзя положиться! Вскочив с лежака, он начал быстро одеваться. В номере стоял компьютер, и по Скайпу ежедневно в это время он проводил совещание.

Как все надоело! – внезапно подумал он, случайно бросив взгляд на море. – Зачем он звонит, зачем ему эта фирма, эти люди, дело?... Деньги! Там он зарабатывает деньги. Вернее, “делает” их – так будет точнее. Память уверенно возвращалась. Теперь он знал точно, куда нужно идти, кому звонить,

что делать. Помнил, откуда они прилетели, только не помнил одного – зачем нужны эти деньги? Он остановился, задумался, посмотрел на море, перевел взгляд на небо, снова на женщину...

Чтобы возить ее сюда, покупать тряпки и бриллианты, ездить на новой машине, потом снова на новой и опять на новой! Купить дом не только в Подмоскowie, но и на островах. Чтобы путешествовать! Ни от кого не зависеть, черт возьми! Чтобы не думать больше об этих деньгах, не вспоминать, просто иметь их, и все!... Зачем тебе это? – вдруг захотел спросить он самого себя... Не спросил. Вовремя остановился. Память окончательно вернулась. Он оделся, махнул женщине рукой и побрел по горячему песку...

Вдруг замер, зачем-то оглянулся, снова долго смотрел на море. Стоял так, и оторвать взгляд не мог: от волн, которые ласково оmyвая песок, искрами светились, отражая яркие утренние лучи, от мокрых барашков, которые мчались один за другим в нескончаемом грациозном движении, от неба и солнца, белых облаков... Неожиданно вспомнил о дурацкой истории, случившейся на даче. Шаги. Они опять, как тогда, глухо топали и приближались. К нему приближались! Он слышал их! Они вязли в песке, в болоте, которого здесь не было и быть не могло, шлепали по лужам. Откуда лужи?! Что за чертовщина преследует его в последнее время?! Но отмахнулся от странного видения и быстро направился к отелю. Пора было подниматься в номер.

Место 14F. В последнее время ему часто приходилось летать, и по какому-то странному суеверию старался занимать именно его. Впервые с ним это случилось не так давно. Однажды он летел в какую-то страну, и, возвращаясь, обнаружил, что ему снова досталось это место. В следующий раз уже сам попросил его, а потом всегда хотел получить заветное 14F. Зачем это делал – не осознавал. Он любил сидеть у окна, откуда открывалась прекрасная панорама, и еще виднелась передняя часть крыла, которая, как кинжал разрезала облака и тучи, не давая забыть, почувствовать себя оторванным от этого мира – как бы высоко ты не летел, все равно самолет вернет тебя на землю. Непременно вернет. А пока смотри себе в иллюминатор, лети с крейсерской скоростью, сидя на любимом 14F.

Вот и сейчас, находясь между небом и землей, он смотрел вниз, не в силах отвести взгляд. А там расстилались бескрайние равнины и холмы. Вон вдалеке появилась кромка высоких гор, очень скоро они перемахнут через нее, и как с горки устремятся к цели их путешествия. Но пока он летел, не хотелось думать ни о чем другом. Временами казалось, что полет бесконечен, и он будет вечно находиться на этой призрачной высоте, а над головой всегда будет сиять яркое солнце. И какая бы ни была погода там внизу, здесь ничто не

посмеет заслонить его ослепительное сияние. Остаться здесь навсегда?... Почему бы и нет? – посмеялся он, посмотрев на крыло самолета... Самолет... Крыло...

То, что он увидел в следующее мгновение, заставило его широко раскрыть от изумления глаза. На самом краешке крыла, всего в нескольких метрах, сидела девушка. Она была словно бабочка, крылья которой трепал сильный ветер. На ней было легкое платьице, которое никак не могло защитить от жуткого холода там за бортом, длинные волосы развевались густой черной копной, она крепко держалась тонкими сильными руками за ледяную сталь, а сумасшедший ветер продолжал трепать ее хрупкую фигурку. И казалось, что он очень скоро сдует ее, смахнет, как песчинку, унесет в зияющую бездну навсегда. Но девушка сидела на самом краешке крыла и смотрела вперед. Он был потрясен. Он ничего не понимал. Вдруг она повернула голову и пронзительно на него посмотрела. На НЕГО! В этом он не сомневался! Потом улыбнулась. ЕМУ улыбнулась! Вот оторвала руку и помахала. ЕМУ! А в глазах ее сиял дикий сумасшедший восторг. Он обезумел, смотрел, не отрываясь ничего не понимая. В это мгновение он не мог даже подумать, что такое невозможно, он был покорен ее взглядом и улыбкой. Это было чудом! Чудом на высоте 10000 метров над землей. Понимал одно – сейчас это чудо улыбалось и принадлежало только ему одному. Вдруг содрогнулся от ужаса, вжавшись в спинку кресла. Девушка в последний раз ему махнула, задорно отчаян-

но потрянув головой, и волосы густой копной разлетелись во все стороны, потом развела руки, словно это были крылья, и легко соскочила вниз. Сейчас сумасшедший ветер швырнет ее на острый край крыла, а безжалостный металл как нож вопьется в хрупкое тело, разрезая его пополам. Он закрыл на мгновение глаза, потом вновь открыл их, но никого не увидел. Ничего страшного не произошло. Девушка исчезла. Словно договорилась с этим ветром и с безумным холодом за окном, и с высотой, где небо было ближе, чем земля, а острое стальное крыло спокойно разрезало прозрачный воздух, и солнце, ярко отражаясь от его гладкой поверхности, слепило глаза...

– Ты будешь курицу или мясо? – услышал он.

– Что?

– Привезли обед... Илья, ты меня слышишь?

– Да, Оля.

– Курицу или мясо?

– Что?

– Извините, но курица закончилась, – вежливо сказала стюардесса.

– Почему? – возмутилась Оля. – Хорошо, давайте мясо!

– Осталась только рыба, – снова вежливо произнесла стюардесса.

– Как это понимать? Мы сидим в середине салона, почему все закончилось? Почему мы должны есть рыбу?...

Она говорила что-то еще, но он ее уже не слышал, образ

удивительной девушки возник перед глазами вновь. И эти руки... И легкое платье... И волосы...

– Что ты молчишь? – снова услышал он. – У них только рыба! Рыба и больше ничего!!!

– Девушка, – обратился он к стюардессе, с сожалением оторвавшись от иллюминатора, – пожалуйста, виски. У вас есть виски или только рыбий жир?

– Рыбий жир? – улыбнулась она.

– Как понимаю, у вас сегодня рыбный день, – рассеянно произнес он.

– Виски? Конечно, есть...

– Вот и хорошо, – и, не дожидаясь еды, раскрыл маленькую бутылку, плеснул в поставленный перед ним стаканчик, осушив его до дна.

– А рыбу? – спросила Оля.

– Рыбу, так рыбу, – и снова задумался, словно провалился в пустоту.

Несколько дней он не находил себе места. Утром просыпаясь, смотрел в окно, потом ехал в офис, выполнял привычные обязанности, шел куда-то, что-то делал, но событие, случившееся с ним, забыть не мог. Все время казалось, что он увидит ее снова – повернет голову, заметит в толпе, на остановке автобуса, в машине, проезжающей мимо, на верхушке дерева, на крыше дома – где угодно. Но девушка не появлялась. Да и разве такое возможно? А еще казалось, что он видел ее когда-то. Где? Когда? Этого он не знал, но смутные воспоминания то и дело одолевали... Хотя, какая разница? Прошла неделя, потом другая, и он постепенно начал о ней забывать.

Однажды, когда он шел из офиса, направляясь в сторону парковки, понял, что сейчас что-то произойдет. Шел все быстрее, оглядываясь по сторонам, двигался по какому-то наитию, не понимая себя. Вон его машина. Она сверкала на ярком солнце, отсвечивая полированными боками, а на капоте сидела...

Девушка, как тогда на крыле самолета, устроилась на самом краешке капота, держась за него обеими руками, и смотрела на него. И улыбалась. Это была пронзительная улыбка. Ее глаза светились яркими огоньками, волосы густой копной лежали на плечах, а платье, то самое, колыхалось на лег-

ком ветру, едва прикрывая ее стройную фигурку. Он замер в некотором отдалении. В этот миг казалось – сделай он еще шаг, и она снова исчезнет. Стоял так и с трепетом на нее смотрел. Но девушка не таяла в городском шуме, не растворялась в солнечных лучах, была реальной, настоящей. И поневоле он залюбовался. В какой-то миг почувствовал себя в состоянии, которое познал на далеком пляже, сидя у самой кромки воды, ничего не помня, не ведая и не понимая. Показалось, что он снова теряет память, теряет себя, время, свою жизнь. Сейчас он не думал совершенно ни о чем, и ощущение безотчетного счастья вновь завладело им всецело. Наконец очнулся, подошел. Долго на нее смотрел, и не мог оторвать взгляд.

Вдруг она легко соскочила на землю и произнесла:

– Пойдем?

– Да! – машинально произнес он. – Куда?

– Куда угодно, – просто ответила она, снова улыбнувшись.

К этому времени он очнулся от забытья, понял, кто он, где находится, вспомнил все, только не понимал одного – кто она. Но сейчас это было не важно. Знал одно – девушка пришла, спустя две недели, появилась вновь, и теперь снова принадлежала ему одному, как тогда, на высоте 10000 метров над землей. Только теперь их не разделял борт самолета, находились они в одной стихии – в этом мире, в городе, на парковке, где сотни машин низвергали едкий, такой привычный запах выхлопных газов, и где ураганный ветер не мог смах-

нуть ее с крыла и унести в бездну...

– Пойдем! – уверенно воскликнул он, открывая дверцу машины. – Садись!

– Куда мы едем? – наконец спросила девушка. Они уже несколько минут двигались по улицам пыльного города и молчали.

– Тебе не все равно?

– Абсолютно все равно! – засмеялась она. – Почему ты не спросишь, как меня зовут, кто я, откуда?

– Мы виделись... Недавно мы летели в одном самолете. Был странный оптический обман, и я увидел тебя за окном. Потом несколько раз прошелся по салону, искал, но не находил. Наверное, ты летела с кем-то в бизнес-классе. Туда я пройти не мог. А не спрашиваю, потому что...

Он немного помолчал.

– Хочешь сохранить сказку?

– Сказку? – пробормотал он. – Но как ты меня нашла?

– Я тебя и не теряла! – легко ответила она, улыбнувшись и задорно тряхнув головой. – А сейчас мы едем в уютное кафе, где мало народу и можно будет спокойно поболтать. Да?

– Ты читаешь мои мысли. Если не возражаешь...

– Мы будем есть мороженое, разговаривать, что-то пить... Нет, не так. Сейчас ты притормозишь у того киоска и купишь мне цветы. Да?

– Хорошо, – засмеялся он, желая перестроиться к обочине, но она жестом его остановила.

– Не нужно. Потом.

– Хорошо.

– А потом..., – продолжала фантазировать она. – Потом мы выйдем из кафе и поедем... Нет... Ты бросишь машину, и мы будем долго гулять по улицам, а вечером ты пригласишь меня в ресторан. Мы будем пить дорогое вино или шампанское, есть изысканные блюда, а на десерт ты закажешь клубнику. Так?

– Ну...

– А потом... Ресторан будет находиться в шикарной гостинице, ты снимешь номер, мы будем долго подниматься на лифте, и конца этому не будет видно! Будешь держать меня за руку, смотреть в глаза и страстно улыбаться.

Он засмеялся.

– Мы зайдем в номер, ты набросишься на меня, как дикий зверь... Да?...

Он с интересом на нее обернулся, вдруг спросил:

– Скажи – а зачем нужно столько времени таскаться по городу, что-то есть, пить, когда можно сразу поехать туда?

– А что потом? – загадочно спросила она.

– Любишь загадывать наперед?

– Да!... Нет!... Не в этом дело... Потом ты вернешься домой к жене, а мне, вспомнив, что я живу на крыле самолета,... вернее в первом классе самолета,... снимешь небольшую уютную квартирку, куда будешь приходить два раза в неделю, скажем, по понедельникам и четвергам.

– Почему...

– Молчи! Не мешай!... Будешь делать дорогие подарки, водить меня в театры, в рестораны и обещать, что скоро непременно разведешься и женишься на мне... Ты хотел сказку? Вот ее финал.

Он резко притормозил, машину занесло, колеса завизжали, наконец, они замерли на обочине.

– Что-то не так? – он пристально с удивлением на нее уставился, не понимая.

– Скажи, а ты смог бы убить мамонта?

– Мамонта? – удивился он, – если бы они еще жили,... почему бы и нет? Я бывал на сафари, убивал слона. У меня даже сохранился его клык...

– Убивал? А зачем?...

Девушка долго молчала, зло глядя сквозь лобовое стекло, наконец, подняла голову и воскликнула:

– Как в гробу.

– Что?

– Тесно, как в металлическом гробу.

– Тесно? – с обидой в голосе возразил он, – это один из самых больших внедорожников!

– Как в большом металлическом гробу, – поправилась она, – неба не видно.

Он молчал, не зная, что сказать, с удивлением разглядывая эту странную девушку, которая грустно смотрела в окно.

– Солнце в зените. Скоро оно опустится ниже и будет сле-

пить глаза.

– Ты не любишь на него смотреть? – серьезно спросила она.

– Я не могу, как все нормальные люди, без темных очков смотреть...

– Пойдем! – весело воскликнула она, выскакивая из машины. Он вышел следом.

– Куда?

– За мной! – она схватила его за руку и потащила за собой.

– Сумасшедшая!... Но машина?... Здесь нельзя...

– Ну ее, эту машину. Идем! Или ты передумал?

– Я? Нет!

– Тогда пойдем! Я покажу тебе, где я живу.

Она уверенно тащила его все дальше. Они забежали в небольшую арку и бросились к ближайшему подъезду. В голове зашумело, от нетерпения и невероятного приключения в груди приятно завибрировало, затрепетало. Он словно сбросил десяток лет, почувствовав себя мальчишкой, двадцатилетним юнцом. С ним давно такого не случалось. Почему бы и нет?! Эта девушка невероятно его волновала, сердце бешено с восторгом колотилось. Навстречу им попалась пожилая женщина, в руках у которой была кошка.

– Шляются тут всякие! – пробормотала она, а кошка лениво, равнодушно на них посмотрела.

– Ты живешь на последнем этаже? – вырвалось у него, когда она нажала на кнопку лифта.

– Конечно, – просто ответила девушка, как само собой разумеющееся, словно других этажей в этом доме не существовало. Пока они поднимались, он пристально на нее смотрел. И молчал. Он словно потерял счет времени, а это восхождение казалось ему бесконечным. Потом взял ее за руку. Рука была невесомой, теплой, и у него закружилась голова. Привлек девушку к себе. Она молчала, веселые искорки мерцали в ее глазах, а он продолжал сходить с ума от нетерпения. Наконец воскликнул:

– До твоего неба еще далеко?

– Оно совсем близко, нужно только захотеть, и ты сразу же окажешься там... Постой, не спеши, сейчас приедем, – и легко высвободилась из его рук. Лифт остановился, девушка стремительно выпорхнула, не стала подходить ни к одной из квартир, двери которых чинно выстроились в длинном коридоре, и побежала по лестнице наверх.

– Куда? – удивился он.

– За мной, – услышал он ее веселый голос. Так они оказались перед какой-то дверью. Она толкнула ее, и сильный ветер разметал ее длинные волосы.

– Куда? – снова воскликнул он, пока они пробирались между колонн чердачного помещения, где были навалены горы хлама – какие-то балки, доски, мешки с остатками цемента. Все было покрыто толстым слоем пыли, но она уверенно вела его за собой. Казалось, эта пыль и серость грязного помещения не смогут прикоснуться к ней, запачкав воздушное платье небесно-голубого цвета. Наконец показалась последняя дверь, девушка уверенно ее толкнула, и яркое солнце осветило ее силуэт. Через мгновение они оказались на крыше. Он неожиданности он закрыл глаза – солнце так слепило, что открыть их он не решался, к тому же он не любил высоты. То ли дело сидеть в удобном салоне самолета и смотреть в иллюминатор. Но находиться на таком открытом пространстве? Всю свою жизнь он боялся высоты, и теперь у него кружилась голова. Но почувствовав, что ее теплая рука крепко держит его, послушно поплелся следом.

Наконец открыл их, заметив, что они стоят в небольшой беседке-ротонде, которая по хитроумному замыслу архитектора венчала верхушку крыши.

– Нравится? – услышал он. Девушка все еще держала его за руку. – Нравится? – с восторгом повторила она.

– Да, – разочарованно пробурчал он. – В таком месте прямо в центре города можно жарить барбекю.

– Какая ерунда! Оглянись по сторонам!

Он обернулся, и голова закружилась вновь. А перед ними открывалась удивительная картина. Если посмотреть вниз, можно было увидеть широкий Кутузовский проспект, по которому мчался шумный поток машин, вдалеке возвышались, подпирая небо, пики небоскребов СИТИ. Они виднелись за Москвой-рекой, черное русло которой спокойно струилось, разрезая город пополам. А над головой висело ослепительное голубое небо. И солнце. Оно так сияло, что снова захотелось зажмуриться. Посмотрел себе под ноги и подумал – если бы он стоял босиком, наверное, обжег бы себе ступни. Крыша на такой жаре казалась раскаленной.

– Ты здесь живешь? – удивился он, крепче вцепившись ей в руку.

– Нравится? – улыбнулась она.

– Не знаю, – пробормотал он.

– Не знаешь? – сейчас она смеялась над ним, и он видел это. – Страшно?

– Немного... С чего ты взяла?

Он снова привлек ее к себе.

– Подожди, – прошептала она.

– Может, все-таки в гостиницу?

– Не спеши.

– Я хочу тебя!

– Ты все испортишь, глупый.

– Почему?

– Я знаю это.

– Снова сказка?

– Да... Взгляни туда! – вдруг воскликнула она, и он перевел взгляд вниз в направлении проспекта.

– Ничего не замечаешь?

– Нет, – воскликнул он. – А что?... Что это такое?

– Ты видишь? – восхищенно прошептала она. – Я знала! Я была уверена, что ты увидишь! – ликовала девушка.

– Что это? – в ужасе закричал он. По проспекту шли люди, только теперь их было во много крат больше. И были они странными, словно вылепленными из прозрачного стекла. Они напоминали воздушные шары, которые легко подсакивали, словно ничего не весили, двигались в разных направлениях, многие шагали прямо по проезжей части. Машины, не замечая их, проскакивали мимо. Нет! Они проезжали сквозь этих людей-теней, не причиняя им вреда, а те все двигались в разных направлениях.

– Я не понимаю! – в ужасе закричал он.

– Я знала, что ты сможешь! Знала, что ты не такой, как

все!

Вдруг он в ужасе отшатнулся, услышав чей-то голос:

– Юна, зачем он тебе?

Тут он заметил незнакомца. Казалось – что это мираж, призрак. Человек, словно бесформенная тень, нависал над ними, и только неприятное, презрительно сморщенное лицо выглядело отчетливым. Тот стоял, колыхаясь на легком ветру.

– Ворчун, перестань! Он хороший! Он мне нравится, – воскликнула девушка.

– Пустое, – проворчал незнакомец.

– Он замечательный. Он совсем другой!

– Такой же, как все эти.

– Неправда!

– Зачем ты сюда его притащила?

– Он настоящий! Ворчун, ты не прав!

– Он безнадежен.

– Это не так.

Тут эти двое замолчали, а неподалеку начали появляться люди. Нет, не люди – слепые копии, прозрачные или призрачные очертания, которые двигались по крыше. Они что-то говорили, показывая на него, и тут он закричал:

– Что это? Кто они? Ты куда меня привела?

– Я сейчас все объясню, – в отчаянии воскликнула девушка.

– Не надо ничего объяснять, – проворчал незнакомец.

– Он должен все знать! Я так долго его искала. Наконец нашла.

– Ты ошиблась, – ворчал тот.

– Нет!

– Он ничтожество...

Человек-тень сурово на него посмотрел и бросил:

– Проваливай!

– Прекрати! – закричала девушка.

– Катись в свой убогий мир! – продолжал тот, – и чтобы я тебя здесь не видел.

– Ты не можешь с ним так!

– Могу!

Больше он не мог на это смотреть. В ужасе отскочил в сторону и закричал:

– Идиоты! Кто это? Ты ненормальная! Ты куда меня привела?!

– Вот-вот, катись! – захохотал человек-тень.

– Да, идите вы, – Илья побежал к спасительной двери, которая виднелась неподалеку, а издали слышался голос незнакомца:

– Пусть проваливает. Не нужен, девочка, он тебе. Пусть катится на свое дно. Забудь о нем.

– Ты не прав, Ворчун! Ты ошибаешься! – в отчаянии отвечала Юна.

– Прав... прав...

Их слова таяли вдалеке. Он добежал до двери, заскочил

в темный склеп чердака, преодолев еще десяток метров, где уже ничего не слышал. Снова мешки с цементом, строительный мусор. Его одежда уже покрыта слоем пыли. Не помнил, как нашел дорогу назад, потом лифт, подъезд, наконец, выскочил во двор. Он спасен! Кошмар оставался позади!

А привычный мир снова открывался перед глазами. На встречу шли настоящие люди, по проспекту ехали машины, светило настоящее солнце, а не то, которое было на чертовой крыше, а прямо на него летел... самый настоящий МАЗ. Он не заметил, как выскочил на проезжую часть, оказавшись на его пути. Еще мгновение, и неминуемый удар подбросил его, закружив в стремительном вихре. Потом, как мешок, набитый переломанными костями, он с грохотом повалился на горячий асфальт, застонал и умолк. Ни шевелиться, ни говорить он был не в силах. А еще услышал топот чьих-то ног. Тяжелый топот, который уже слышал раньше. И зловещий хохот.

– Ошиблась адресом, говоришь? Я никогда не ошибаюсь. Теперь не ошибись ты. А за “красавицу” спасибо!

Снова дикий утробный хохот, и шум удаляющихся шагов.

Через несколько минут подъехала Скорая помощь. Бездыханное тело подняли с земли, переложили на узкую каталку-кровать, и машина, оглашая проспект громким визгом сирены, сорвалась с места. Он почему-то слышал голоса врачей, все понимал, находился рядом. Он видел самого себя! Но тогда где он сам?! Тело, которое безвольно поникло на белой простыне или тот, который в этот миг за всем наблюдал? – и тут он понял, – проклятый МАЗ не стер его жизнь, сохранил разум, сознание, память. Тогда, что такое – жизнь?!

Дальше, находясь рядом с самим собой, он мог только наблюдать.

– Звони в 15-ю... Занято? В двадцать шестую!... Нет мест? Набери...

Женщина-врач отдавала распоряжения помощнику, ставя телу капельницу.

– Нашел? Ну, наконец! Везем!.. Ну, милый, держись, там хорошая больничка. Залатают, соберут. А какой молодой – лет 35, не больше... Так. Кома. Оно и к лучшему – там выведут, целее довезем, – приговаривала она, – жить будет,... наверное...

Все, ребята, забирайте. Жив. Пока жив, – услышал он ее последние слова в приемном отделении больницы. Потом ка-

талка, длинный, ярко освещенный коридор, и палата. Безвольное тело кладут на операционный стол, к нему подключают провода, вскрывают вену, откуда капает темная кровь, ее аккуратно собирают в пробирку и уносят, потом делают рентген...

– Хорошая больничка, – вспоминает он слова врача Скорой. – Значит, залатают. Значит, соберут. Жить буду.

И снова подумал: – Где тот самый он?

Посмотрел на тело, лежащее на столе. Оно было, словно призрачная тень, похожая на людей, которых он видел на крыше. Потом взглянул на себя. Отчетливо разглядел руки, ноги. Они были реальными, настоящими, ничего не болело, но появилось ощущение легкости и невесомости. А еще понял, что никто из врачей его не видел.

– Эй! – крикнул он. Голос был знакомым, настоящим. Но его возглас словно растворился, ушел сквозь стены в пустоту.

– Эй! – уже громче крикнул он, но никто не обернулся. Два врача, две расплывчатые фигуры возились у операционного стола.

– Сквозь стены! Стоит сделать шаг, и можно оказаться за этой стеной, – сообразил он. Через мгновение уже был в коридоре. Здесь была толчея, сновали люди, не обращая на него внимания. Кто-то сидел, кто-то лежал. Те, кто мог, проходили мимо, проходили сквозь него! Но тогда кто настоящий – он или они? Двинулся по коридору дальше, навстречу

шла женщина. Сейчас она тоже просочится сквозь его новое тело, не замечая, – подумал он. Женщина была другой, настоящей, отчетливой, а остальные напоминали призрачные очертания, облака. Их фигуры были размытыми, словно изображения на фотографии, снятыми через специальный объектив. Женщина подошла вплотную, уперлась в него животом и замерла. Вдруг произнесла:

– Ну, чо встал? Пройти-то дай! – услышал он.

– Ты меня видишь? – удивился он.

– Новенький? Ну-ну, привыкай, – она обошла его и скрылась в конце коридора. Вдруг он увидел свою жену. Она быстро шла рядом с человеком в белом халате.

– Оля! – только и успел крикнуть он, как эти двое скрылись в одном из кабинетов, а дверь за ними закрылась.

– Оля! – закричал он, проходя сквозь стену следом, но его не услышали. В этот миг он безумно был рад видеть свою жену. Как никогда он был рад ее видеть!

– Присаживайтесь! – галантно произнес врач, подвинув стул. Сам присел к столу и начал читать какие-то бумаги. Оля с трепетом на него смотрела. Вид ее был ужасен, она волновалась, руки тряслись, пальцы нервно перебирали складки сумочки, которую она не выпускала, и ему стало ее жалко. Он никогда не видел, чтобы она из-за него так беспокоилась. Он и представить себе такого не мог!

– Ничего, здесь хорошая больница, здесь помогут, залатают, склеят. Терпи, Оля, терпи, – пробормотал он. Врач тем

временем, не отрываясь от бумаг, начал бормотать:

– Разрыв селезенки... Так... Два ребрышка, суставчик, гематомка, сотрясение мозга. Кома... Ага! Комка!... Хорошо. Ну, это будем посмотреть потом. Нужен нейрохирург... Ищите нейрохирурга, уважаемая, наш в отпуске... Так... Селезенку мы поправим сейчас же, деталь лишняя, удалим и забудем, а вот косточки...

Наконец, он оторвался от чтения и внимательно посмотрел на Олю.

– Скажите, уважаемая, будем все делать правильно или по-хорошему?

– Я вас не понимаю.

– Не понимаете?... Кстати, после операции, куда его поместим?

– Вы имеете в виду морг? – вырвалось у нее.

– Зачем же так? – засмеялся врач, – у нас прекрасная больница – мы знаем свое дело. А у вас замечательное чувство юмора! Успокойтесь. Так куда?

– А, понятно. Мне все равно, в каком конце отделения будет находиться его палата. Сейчас главное – операция...

– Палата? Кто произнес слово палата? Вы видели людей в коридоре?

– Да, – не поняла она.

– Это и есть прибежище наших пациентов.

– А я думала... А как же,... – и замолчала. Долгая пауза повисла в маленьком, как аквариум, помещении. Наконец

врач мягко заговорил:

– Палаты у нас называются номерами, как в отеле. Вот, посмотрите фотографии. Вот еще... И еще... А стоят они...

– Простите, разве это частная клиника?

Врач засмеялся.

– В частной клинике вы заплатили бы в десять раз больше. Там номера-люкс, номера-ВИП, студии, а у нас районная больница, все демократично, так сказать, по-людски.

– Да... Конечно... Я поняла! Сколько стоит номер “по-людски”?

– Тысячу – четырехместный, две тысячи – двухместный и четыре одноместный.

– За час?

– За минуту! – врач снова засмеялся, – шучу. За сутки. Ну что, берете?

– Да! – не раздумывая, ответила она.

– Одноместный?

– Конечно!

– Я так и подумал, – и врач перевел взгляд на кольца, которые сверкали на ее пальцах, потом покосился на золотые часы.

– Вы не сомневайтесь, номер замечательный, люкс. Звоночек у изголовья, каждый час заходит медсестра, если потребуется – за доп. плату постоянная сиделка, усиленное питание...

– Питание? В каком он сейчас состоянии?

– Он?... В коме... М-да, вы правы – усиленное питание пока отменяется. Значит, берете? Будем посмотреть – есть ли свободное местечко. Сегодня одного пациента должны были увезти.

– Куда? – в ужасе спросила она.

– Куда? – врач грустно улыбнулся, – в другую палату, кстати, ничем не хуже этой, а может даже лучше – как посмотреть. Так, теперь посчитаем косточки...

– Посчитаем! – с этими словами в комнату вошел мужчина, Ольга бросилась к нему, и тот обнял ее за плечи.

– Леша, спасибо, что приехал, у нас тут...

– Успокойся, – он усадил ее на стул и сел неподалеку, посмотрев на врача. Тот перевел взгляд на Алексея и заговорил:

– Так... Косточки... Ребра бесплатно. Что касается...

– Уважаемый, – уверенно перебил он врача, – давайте-ка по-сууществу. Какие ваши предложения, будем посмотреть, слушаю вас?

Доктор с уважением на него посмотрел и продолжил:

– Будем посмотреть... У нас есть отличный немецкий су-ставчик, на удивление размер ваш,... то есть его.

– Цена вопроса?...

– Ну!... Вы же понимаете! Немецкий! Не какая-то желтая сборка. Эксклюзив! Гарантия 200 лет!

– Оленька, посиди пока в коридоре, – перебил его Алексей, – сейчас мы с доктором переговорим. Отдохни. Ни к че-

му тебе это.

Она вышла и присела у закрытой двери кабинета, откуда слышались энергичные мужские голоса. Спустя какое-то время ее пригласили вновь.

– Оля, мы составили калькуляцию, больше ничего не потребуется. Нейрохирурга я беру на себя.

Она взяла со стола лист бумаги, где были какие-то расчеты.

– Оплачивать через кассу? – спросила она, не глядя, держа его дрожащими руками.

– Конечно! – воскликнул врач. – Исключительно через кассу. Деньги с собой?

– Да, – ответил Алексей, и, несмотря на возражение Ольги, достал бумажник.

– Давайте, я их сейчас же передам в кассу. А вам приходничек. Пожалуйста. Вот. Это вам.

– И все? – усмехнулся Алексей, вертя в руках бессмысленный листик бумаги.

– Как все? Спустя какое-то время, так или иначе, мы вернем вашего друга и мужа уважаемой Ольги. Он нам не нужен. Он ваш.

– А, что значит – так или иначе? – вздрогнула Ольга.

– Уважаемая, косточки мы залатаем, суставчик, ребрышки, селезенку будем посмотреть. Ее наш хирург уже работает. Заметьте, бесплатно работает... Ищите нейрохирурга. Есть гематомка, проблема с головой. А так, все будет хоро-

шо, все заживет, срастется – нужно только время. А вот голову нужно бы посмотреть.

– Будем посмотреть, – кивнул Алексей, и они покинули кабинет.

– Я обязательно отдам тебе деньги, – воскликнула она.

– Перестань, мы не чужие люди, – перебил Алексей, – разберемся. Разберемся и с его головой. А вот у меня теперь головная боль – без его подписи сдавать квартал! Июль месяц! Говорил ему – дай право подписи. Нет! Упертый! Ладно, решу вопрос, не впервой... Поехали, я тебя отвезу, все будет хорошо.

– Наверное, я должна остаться? – робко произнесла она.

– В реанимацию все равно не пустят. Позвоним позже – узнаем. Все порешали, оплатили, все будет о-кей. Идем.

И они пошли длинным коридором, где стояло множество кроватей, на которых располагались люди, перевязанные, залатанные, к некоторым были прикреплены хитрые приспособления, поднимающие и закрепляющие их конечности к штангам над головой. И жара. Ужасная жара. А из дальнего конца коридора доносились волшебные ароматы.

– Знать бы, что так пахнет еда – можно было бы пожалеть о том, что не находишься в коме, – пробормотал Алексей. – Не дай бог...

– Может, перевести его в другую клинику? В платную? – спросила Оля.

– Хочешь платить за кожаные диваны и смазливых мед-

сестер? Сейчас ему это ни к чему. Говорят, здесь хорошие врачи – это главное, а остальное... Заплатим. К тому же, пока его перевозить нельзя. Все будет хорошо.

Операция длилась несколько часов. Со всех сторон его тело обступали тени в белых халатах. Они латали, склеивали, удаляли, резали и зашивали. Наконец перевезли в реанимацию – маленькую палату на этом же этаже, подключили какие-то приборы и ушли. Он остался один. Нет, не один. Теперь их было двое. Он и... Он. Один лежал на кровати без движения, другой внимательно за ним наблюдал, не зная, что ему делать.

– Интересно, кто из нас главнее? – подумал он. – Этот? Почти труп? Нет. Значит первый я. Но без этого беспомощного существа я не могу вернуться назад! Значит он? Но что он может без меня – лежать в коме? Значит – первый я!... Ждать! – понял первый Он. – Остается только ждать... А Лешка молодец, – вспомнил он о своем подчиненном, – не оставил Ольгу, помог, даже заплатил, а я ему не доверял. Недооценивал. А тот вел себя, как настоящий друг. Молодец. И Ольга тоже. Не зря говорят: “Познаются в беде”.

Выглянул в окно. На улице начали сгущаться сумерки. Город погружался во мрак. В домах загорелись огоньки, сейчас люди, возвратившись с работы, сидели на кухне, ужинали, разговаривали, смотрели телевизор, а он находился в ужасной палате, был совершенно один, брошен и всеми забыт. Снова посмотрел на свое тело. О том, что оно еще было жи-

во, говорили мониторы на приборах, где синусоиды отсчитывали каждый вздох, каждый удар бьющегося сердца. Прикоснулся к своей груди. Ничего не почувствовал, сердца не было. Сердце было только у ничтожества, которое разлеглось на кровати и изволило не шевелиться.

– Эй! – воскликнул он, но в ответ тишина. – Эй! Вставай! Ну, давай же! Пошевели пальцем, открой глаза! – уже кричал он на всю палату, на всю больницу, но тот его не слышал. Подошел ближе, захотел прикоснуться, рука провалилась сквозь простыню. Он не мог ничего сделать, подвинуть, переставить, изменить! Он не имел доступа к миру, который представал перед ним в призрачном очертании. – Бесполезно, – понял это и начал мучительно соображать:

– Кома? Что это? Почему он выпал из своего тела и теперь находится здесь? Почему не может в него вернуться? Наверное, нужно быть рядом. А если этот захочет очнуться, если он будет готов прийти в себя. То есть, я в него. Чушь какая-то! Вот что означает – “прийти в себя”, сколько раз он произносил эти слова, и никогда не понимал их смысл. Но не в этом сейчас дело. Захочет вернуться, а меня нет. Значит, мы должны быть рядом. Только вместе мы сможем сделать это, но стоит отойти... А если... И тут дикая мысль пришла в голову: – Отойти, а в этот момент в палате окажется кто-то другой, такой же, как я! И этот кто-то захочет занять мое место?! Сидеть. Ждать. Никуда не отходить. Другого выхода нет...

Спасть не хотелось, есть не хотелось, ничего не хотелось. К тому же, для него все это теперь было невозможно, и он с ненавистью посмотрел на свое тело, понимая, как без него беспомощен. Чувствовал себя заложником этого бездыханного существа. Если задуматься, и в той жизни они вдвоем выполняли только его желания. Кормили кого? Его! Поили, вывозили на курорты, купали в морях, загорали, давали ему сигареты, наливали шампанское или водку. А я? Что для меня? Чушь какая-то. А женщины? Симпатичные девчонки! Это я тебя знакомил, а потом ты с ними спал! А я? Неужели от этих случайных встреч ничего не осталось у меня?

И подумал, что даже имена многих из них не помнил. Зато почему-то вспомнил выражение лица Оли. Он не ожидал такого. Всегда думал, что брак с ним для нее был по расчету. Красивая женщина рядом с сильным богатым мужчиной. Моложе его, она давала ему все, что он хотел. А чего он хотел? Он или Я? А что для меня? Нет, так можно сойти с ума! Для меня остается только одно – сойти с ума. И все? Пожалуй, пока этот изволит почивать и лечить свои кости, кстати, на деньги, которые я для него зарабатывал, нужно перестать думать. Разучиться это делать, а там будет видно. Но как это сделать? Даже водки и той не выпить – какой кошмар.

– О! Новенький! С прибытием! – вдруг услышал он жизнерадостный голос и обернулся. Перед ним стояла противная толстая тетка лет пятидесяти, с которой он столкнулся в коридоре. Он промолчал, ничего не ответив, подозрительно

на нее уставившись, а та завистливо продолжала:

– Отдельная палата! Звоночек! У твоих родственничков есть деньги, позаботились.

– Это у меня есть деньги, – ответил он.

– Теперь уже у них, – и женщина ехидно засмеялась. Подошла к кровати и уставилась на тело.

– Ну-ну. Получил по полной! Тебя, милый, сбросили с крыши?

– Сбила машина, – буркнул он. А она не унималась. Усела на кровати прямо на ноги тела и уставилась ему в лицо.

– Симпатичный, молоденький, вот угораздило! – вдруг схватила его за нос. Не схватила, но попыталась это сделать.

– Отойди! – заорал он.

– Чего? – удивилась женщина.

– Я сказал, уйди от него.

– Да я только посмотреть. Чего так волнуешься. Нельзя?

– Нет! – и он, схватив ее за руку, стащил с кровати.

– Ладно-ладно, что так завелся. Я же по-соседски, по-дружески, мы ведь с тобой теперь братья по несчастью. Трое нас таких на всю больничку.

– Все равно не подходи.

– Боишься?

– Чего?

– Что залезу в него вместо тебя?

– Не твое дело!

Она хрипло засмеялась.

– Не бойсь. Все по первости этого бояться. Даже если захочу – не получится.

– Почему?

– Не знаю. Говорят, тот, кто дал нам эти тушки, набитые жиром и кишками, не позволит. Присматривает он за нами, вот так. Оно и понятно – порядок должен быть. Это там, – и она махнула в сторону окна, – угнал машину и ездил в ней, стащил шубу – носи на здоровье, здесь не так. Здесь все не по понятиям – по правилам.

– Понятно, – пробормотал он.

– Тебя как зовут?

– Илья.

– Муромец, что ли?

– Вроде того.

– А меня Евдокия. Ну, давай, охраняй своего болезного, пошла я. Заскучаешь – заходи, я на этаже в холле у окошка. Не хоромы, но жить можно. Пошла. Эх, сигаретку бы...

Прошло еще два часа, за окном проезжали редкие машины, не слышны были шаги пешеходов, потухли в домах огни, город погрузился во мрак. Ночь. Это была его первая ночь в больнице, а сколько еще таких ночей впереди, он не знал. Помнил, как в одном фильме герой провалился в коме несколько лет. Неужели такое возможно? Тут всего несколько часов казались медленной пыткой, а для кого-то годы. И представил, как какой-то человек, или не человек вовсе, лишь бледная его копия, сидела столько времени у изголовья

кровати, где лежало тело. Вдруг услышал в коридоре чьи-то голоса, из стены выглянула голова Евдокии. Она ехидно улыбалась.

– Тут пришли. Говорят, к тебе!

Через мгновение в палате появилась Юна. Лицо ее горело алым румянцем, словно кровь била в ее жилах, хотя такое было невозможно, и была она очень взволнована.

– К тебе что ли, Муромец?

– Ко мне, – глухо ответил он.

– Ну, дает! – восхитилась Евдокия, – и когда успел? Ну, ты...

– Оставьте нас, пожалуйста, – тихо, но уверенно попросила Юна.

– Конечно! Воркуйте, голубки, – хрипло засмеялась тётка, и ее ехидная физиономия скрылась за стеной.

Они долго молчали. Юна с ужасом смотрела на человека, лежащего на кровати, переводила взгляд на него, и снова на тело. Илья молчал. Наконец она медленно заговорила:

– Это я виновата. Если бы я тебя к себе не пригласила, ничего бы не случилось.

Он промолчал, и снова долгая пауза повисла в палате.

– Пойдем, – нарушила тишину она.

– Снова пойдем?! Куда? – не выдержал он.

– Со мной, – настойчиво произнесла она.

– Иди ты к черту! – вдруг закричал он. – Ты сумасшедшая. Кто ты такая?

– Понимаю, ты сердишься.

– Сердишься? Посмотри, что ты со мной сделала!

– Пойдем, люди не должны быть одни. Это ужасно, если человек в беде остается совсем один. Так быть не должно, это неправильно. Пойдем к нам.

– Люди? Это вы люди?

– Пока нет. Но мы очень хотим ими стать. Ты идешь?

– Нет, – твердо ответил он. – И оставь меня в покое. Видеть тебя не могу.

Она немного помолчала, потом прошептала:

– Прости.

– Мне твое прости, как... У меня сейчас “квартал”, а я тут валяюсь...

– А, что такое квартал? – наивно спросила она.

– Все, иди! И чтобы я больше тебя не видел.

– По нашим показаниям кости черепа целы, оболочка мозга не затронута. Небольшая гематома. Такое бывает. Больной получил значительное сотрясение. Диффузное аксональное повреждение вызвано нарушением функций и возможной потерей аксонов.

– Аксонов? – прошептала Оля.

– Простите, доктор, можно доступнее, – перебил ее Алексей. Они уже долго сидели и слушали сложные выкладки нейрохирурга, которого он разыскал и привез в больницу.

– Доступнее? – не понял врач.

– Ну, проще, – пояснил Алексей. – Проще!

– Проще? Хорошо. Аксоны – это длинные отростки нервных клеток, которые позволяют нервам обмениваться информацией. Во время травмы под влиянием внешней силы аксоны растягиваются и смещаются. Так понятно?

– М-да! – проворчал Алексей, а врач продолжил:

– Травма микроскопическая, на КТ я ничего не вижу, считаю, что ему повезло.

– Но он в коме! – воскликнул Алексей.

– Люди с такой травмой, как правило, находятся без сознания более шести часов...

– Но прошла уже неделя! – не выдержала Оля.

– Вы меня перебиваете, – спокойно заметил врач.

– Простите, – извинилась она.

– В зависимости от степени и места травмы, люди могут оставаться в таком состоянии в течение нескольких дней и... даже недель.

– Недель! – с ужасом произнесла она. А потом?

– Диффузные аксональные повреждения могут быть легкими и обратимыми, а в случае обширных повреждений необратимыми.

– Что это значит?

– Это значит... Мне трудно сейчас дать окончательный прогноз.

– Может быть, нужна операция?

– Операция в данном случае не поможет. Это самая распространенная травма при автокатастрофах, но для нее на сегодняшний день лечения нет.

Он замолчал. Алексей и Ольга смотрели то на врача, то на Илью, который невозмутимо лежал на кровати, прикрытый простыней, и только приборы издавали монотонные, ритмичные звуки.

– Что же делать? – наконец, спросила Оля.

– Ждать. Будем наблюдать, стимулировать препаратами деятельность мозга, снова ждать. Другого рецепта нет.

Он неделю просидел в палате. Целую неделю он не отходил от беспомощного тела, которое уже ненавидел. Ждал в надежде, что оно пошевелится, откроет глаза, проявит хоть

какие-то признаки жизни, но все было тщетно. Из палаты не выходил, охраняя. Не спал. Он не умел этого делать. Поэтому ожидание было мучительным. А каждое утро вздрагивал от зычного восклицания, доносившегося из коридора: – Сдать судна! Завтрак! Процедуры! Это напоминало военные команды, словно он находился в казарме. Потом к нему начинали заходить врачи, медсестры, они проверяли приборы, смотрели диаграммы, ставили капельницы, и так до самого вечера. В течение всего дня из коридора доносились топот и гвалт, а ночью, когда солнце склонялось за горизонтом, и больница погружалась во мрак, наступала зловещая тишина. Иногда ему казалось, что слышит за стеной какой-то шорох, непонятные звуки, причитания, но не отходил из палаты ни на шаг. Эти ночи были бесконечно длинными, невыносимыми. И были они невероятно темными. Столько темноты, в которую он смотрел усталым взором, пожалуй, в его жизни еще не было никогда. Беспросветная, безнадежная тьма! Ждать! – пульсировало в его мозгах. Хотя, где сейчас были эти мозги, он не понимал. А утром все с начала – Сдать судна!... Врачи говорили Оле, которая появлялась почти каждый день, что травмы хорошо заживают, остается только выйти из комы. Но как это сделать?... Несколько дней, может быть, недель, – сказал нейрохирург, – обратима, необратима... А если – необратима? Его безвольный полутруп не в силах справиться с болезнью. Но он является его частью, он мыслит, чувствует, существует. Может быть, он

может чем-нибудь ему помочь? Кома – что это? Нужна информация! И однажды поздним вечером, когда к нему перестали заходить врачи, он решился из палаты выйти.

Легко перешагнул сквозь стену и оказался в коридоре. Здесь стоял полумрак и тишина. Но, присмотревшись, заметил какие-то тени. Больные в холлах, где, по-видимому, в прежние времена стояли кресла и телевизоры, лежали на кроватях, но повсюду сновали люди, которых он отчетливо мог разглядеть. Некоторые, как сомнамбулы, проходили мимо, кто-то сидел, покачиваясь на кроватях, кто-то стоял, вот мимо пробежал низкорослый мужичок. Он размахивал руками, словно рубил дрова, и мчался дальше. Какая-то бабушка в белой спальной сорочке подошла к нему и галантно предложила: – Потанцуем, милый? В этом одеянии, в свете полной луны она смотрелась, как невеста. Лет ей было за восемьдесят. Он в ужасе отшатнулся и пошел по коридору дальше. Сзади в спину получил удар и замер. Обернувшись, увидел того дровосека, который успел добежать до конца коридора и вернуться назад.

– Не мешай, – оттолкнул его тот. Илья непроизвольно пнул его тоже, мужик взвизгнул и заорал:

– Идиот, из-за тебя я ее потерял!

– Кого? – изумился Илья.

– Слепой, что ли? Бабочку! – он сорвался с места и помчался, размахивая воображаемым сачком, дальше. Илья хотел было двинуться с места, но уже шумная толпа окружи-

ла его со всех сторон.

– Чего пришел? Это женская половина! – услышал он.

– Бюджетник?

– Новенький?

– Нет, коммерческий.

– Лежит в люксе.

– Дайте-ка на него посмотреть!

– В одноместном?

– Да!

Шум становился громче, хор голосов мощнее, люди подходили ближе. К нему тянули руки, ощупывали, хватали за шею, за плечи. Один попросил мороженое, ему, видите ли, было жарко, другой денег на операцию, третий морфийку, (этому было больно) какая-то старушка заплакала, умоляя ее удочерить. Вдруг он услышал зычный голос:

– А ну-ка утихли, лунатики! Быстро по нарам!

Голос шел из угла просторного холла, заставленного кроватями, где он увидел женщину, лежащую у окна. К ней были подключены провода и маленькие приборчики светились зелеными синусоидами. Женщина была без движения. Рядом с ней на кровати сидела точно такая же женщина. Он ее сразу узнал. Это была Евдокия. Люди в ночных сорочках, услышав ее возглас, замолчали и разбежались по кроватям. По-видимому, ее здесь уважали. Через мгновение коридор был пуст.

– Муромец, ты что ли? – воскликнула она.

– Ну, я, – ответил Илья.

– Иди сюда. Не обращай на них внимания – расшалились. Магнитные бури, что ли? У меня с ними строго. Иди, посиди со мной.

Илья подошел, сев на кровати напротив, где ворочалась какая-то женщина, не в силах уснуть. Она стонала, причитала, стирая рукой пот со лба:

– Ох, пролежни замучили, ох помереть бы скорей...

Женщина его не слышала и не замечала, да и он ей не мешал.

– Ну, как дела? Как здоровьице? – весело спросила Евдокия. – К тебе тут консилумы водят. Не появлялся ты. Думала, уже разбудили.

– Нет, не разбудили, – проворчал он.

– Чего так? Проломили-таки черепушку?

– Нет, голова цела.

– Ну и просыпайся.

– Как?

– Наподдай своему, пусть не лодырничает, пусть идет и живет.

– Что я могу?

– Подумай. На что тебе мозги?

– Я не знаю... Ты знаешь, как это сделать? Ты видела, как это происходит?

– Каждый день вижу. Это ты там, как барин в своих хоромах разлегся, а люди тут живут, за жисть борются.

– Расскажи.

– Чего рассказывать? Вот, смотри.

Она огляделась, нашла глазами в противоположном углу холла старушку, которая сидела на кровати рядом со своим спящим телом и крикнула:

– Эй, Катерина?

– Что, Евдокиюшка? – отозвалась та.

– Иди-ка сюда. – Катерина покорно подошла. – Ты на ужин в столовой что ела?

– Макарошки ела.

– Макарошки, говоришь? – задумалась Евдокия, – а еще что ела?

– Все. Так больше ничего и не давали.

– Понятно. А на обед что ела?

– Бульончик. Хлебушек.

– И все?

– Еще лапшичку ела. С подливкой. А та мяском пахла. Вкусно! – закатила глаза Катерина.

– С подливкой? Мяском, говоришь? – весело заорала Евдокия, – ну и дура!

– Почему? – робко спросила Катерина.

– Потому что помрешь, – уже хохотала Евдокия. – Нельзя было эту подливку есть! Протухла давно. Уже месяц, как повар мяско с этой подливки домой упер. Сейчас же и помрешь! Прямо во сне!

Старушонка нелепо дернулась, словно судорога свела ее щедедушное тело, подлетела к потолку и белым привидением

устремилась к своей кровати. Мгновение, и она исчезла. А Катерина, которая спала тихим сном, застонала, подняла голову, присела, перекрестилась, потом встала и, что-то бормоча, медленно побрела по коридору.

– В туалет пошкандыбала, старая, – сказала Евдокия. – Ну как, Муромец. Наглядно? Все просто. И так каждый день – просыпаются, засыпают. А ты лежишь в своих хоромашах, жизни не знаешь. С народом нужно быть, с людьми!

– Это всего лишь сон, – пробормотал он.

Вдруг в конце коридора послышались тяжелые шаги. Он замер, а Евдокия прошептала:

– Идет, карга старая.

А шаги все ближе. Они дотопали до угла холла, замерли и мертвая тишина.

– Не за мной ли, дорогая? – вдруг весело крикнула Евдокия.

– Спи, Евдокия, утомонись, – послышался утробный голос, – не сейчас, успеешь ишшо, спи... Чего расшумелись-то? А ну-ка, цыц. Чисто у вас. Сегодня убираться не буду.

И снова эти тяжелые шаги. Они удалялись, пока не затихли совсем.

– Кто это? – задал дурацкий вопрос Илья. Евдокия посмотрела на его бледное лицо.

– Так, уборщица. Техничка. Ходит тут, подметается, – отмахнулась она и задумалась.

– Ну, я пойду.

– Иди, Муромец, ступай, заходи еще. А своего буди. Нечего там на полатах лежать. Пинками его, чтобы знал... Чего сидишь? – вдруг захохотала Евдокия. – Боишься? Да ушла она, значит, сегодня не придет... Ну, пойдем, провожу.

– Не нужно, – глухо сказал он и встал, – а ее низкий смех еще долго оглашал просторный холл, заставленный кроватями. И эти глаза людей-нелюдей, сидящих рядом, отражались желтым блеском в свете полной Луны. И тишина. Кромешная тишина...

Снова Ольга и Алексей сидели в его палате, слушая нейрохирурга. Как и в прошлый раз, он долго что-то говорил, приводил примеры, делал выводы. Речь его изобиловала сложными терминами, и они его не понимали. Наконец, не выдержала Оля:

– Вы меня простите, но, сколько еще это будет продолжаться?

– Сколько? – удивился врач. – Я же вам говорил – от шести часов...

– Шесть часов давно прошли, – вмешался Алексей. – А потом еще три недели. Целых три!

– Во-первых, не нужно так волноваться, – невозмутимо ответил врач.

– Как не волноваться? Мой муж в коме! – в отчаянии сказала Оля.

– Мозг – это самый сложный механизм, и его не так просто вернуть к полноценной жизни!

– Зато переломы успешно заживают, ему заменили суставчик, который прекрасно прижился, – вмешался врач местной больницы, который его наблюдал, он тоже находился в палате. – Скоро он сможет бегать! Дело за малым! Голова.

– Ну, коллега, здесь я с вами не соглашусь. Голова – это не ваши кости и суставы, так сказать. Голова – это голова, –

со значением ответил нейрохирург.

– Но три недели! – повторил Алексей.

– Бывает и месяцы, бывает и...

– Что? – нервно воскликнула Ольга.

– Пока ничего.

– Что же нам делать?

– Ждать, – твердо ответил нейрохирург. – Кстати, по моим наблюдениям у него хорошая динамика. Мы имеем все шансы справиться с этим и очень скоро встать. А пока пусть лечит кости. Все равно нам бегать еще рано. Я прав, коллега?

– Абсолютно! – засмеялся тот.

– Алексей, я без вас проводил внеплановые осмотры, – тихо сказал нейрохирург, когда прием был закончен, и они встали, – делал необходимые инъекции, процедуры, хотелось бы получить за этот период, так сказать...

– Да! – ответил Алексей, доставая конверт.

– Уважаемый, прошло три недели, номер будем продлевать? – спросил врач больницы, когда нейрохирург отклонился.

– Номер? – удивился Алексей. – Ах, номер, никак не привыкну к тому, что это отель, пожалуйста, – и протянул ему конверт...

Весь этот разговор Илья внимательно на них смотрел, сосредоточенно размышляя. Наконец, врачи ушли, и Алексей с Ольгой остались наедине с ним. Вернее, с его телом.

– Невозможно! – воскликнула Ольга. – Они каждый раз

говорят одно и то же.

– Успокойся. Все будет хорошо... Ну что, Илюха, – вдруг воскликнул он, глядя на больного, – доставил мне хлопот? Валяешься тут, а мне завтра нести квартал. Даже печать и ту не оставил.

– Что будешь делать? – очнулась от своих мыслей Ольга.

– Что делать? – засмеялся Алексей. – Уже сделал. Дубликат. И подписи подделал, все будет хорошо.

Он посмотрел на Илью, снова засмеялся и сказал:

– В следующий раз, дружище, когда будешь устраивать корриду на МАЗ, оставь, пожалуйста, шифр от сейфа. А то как-то.... Сам понимаешь!... Все, пойдем, Оленька. Поехали, я тебя отвезу. Тебе сейчас куда? – их голоса уже таяли в конце коридора, а Илья снова и снова удивлялся верности своего помощника. Такое бывает редко, – думал он. – За фирму можно не волноваться. Дело в надежных руках... Дело! – и перевел взгляд на ненавистное тело.

– Ну, чего? Поиграем? – веселилась Евдокия. – Кого еще разбудим?

Он теперь часто приходил ночью к людям, лежащим в холле на женской половине этажа. Зачем это делал – не осознавал, но одному в палате было невыносимо. Снова и снова думал, как ему разбудить самого себя.

– Давай, твоя очередь! Тренируйся! – продолжала Евдокия.

– Что это даст? Это всего лишь сон, – ответил Илья.

– Сон, не сон – делать что-то надо. Ну-ка, расскажи нашей Оленьке сказку на ночь. Уж больно сладко она спит.

Оленька, молодая женщина с переломом бедра после операции, лежала недалеко на кровати, предаваясь безмятежному сну.

– Ох, доиграешься, Евдокия, – не выдержала Оленькина тень, – вот проснусь, подойду к приборам и отключу тебя, будешь знать, как играть по ночам с людьми.

– Не подойдешь. Ходить-то не можешь! – возразила Евдокия.

– Подползу ради такого дела!

– Да ты ничего и не вспомнишь! Это же сон. Мало ли что может присниться, – засмеялась Евдокия.

– А если вспомню?

– Что же, грех на душу возьмешь, человека на тот свет отправишь?

Ольга задумалась: – Твоя правда, грех не возьму, а вот тебя проучить бы стоило.

– Так я же для дела. Вот, Муромца из комы вытаскивать нужно, месяц уже валяется. Пусть тренируется, пусть наблюдает, может, чего и поймет.

– Сама-то лежишь третий месяц, что же не проснешься?

Евдокия стала серьезной и проворчала:

– А мне вроде ни к чему.

– Почему? – спросил Илья.

– У тебя дочь! – добавила Оленька.

– Не ваше дело, – вдруг огрызнулась Евдокия. Потом все долго молчали. Наконец она произнесла:

– В том-то и дело, что дочь. Большая уже, на выданье. А тут я с переломом башки. Да что там голова! С лесов свалилась, малярничала – это ладно. А вот позвоночник. Что с ним делать?

– Что с позвоночником? – спросил Илья.

– Перелом у нее, – произнесла Оленька.

– Перелом! – прошептала Евдокия, – так всю жизнь и будет моя девочка утку за мной выносить... Якорь на шее! И кому она с такой обузой нужна будет?

– Что ты такое говоришь? – воскликнула Оленька.

– То и говорю.

И снова долгая пауза.

– Позвоночник лечится, – произнес Илья. – Сделают операцию...

– Операция? Миллионы! – воскликнула Евдокия.

– Что? – не понял Илья.

– Доктора дочери насчитали – миллионы. Вот тебе и операция. Это ты привык за все платить, а мы денег таких не видели.

– Миллионы? – засмеялся Илья. – У нас медицина бесплатная. Помогут. Куда они денутся?

– Ты придурок или притворяешься? – вспылила она, но быстро пришла в себя. – Ничего дороже бесплатного и не бывает. Жизни не знаешь?

– Откуда мне знать? Я в первый раз в больнице лежу. К врачам никогда не обращался...

– Повезло, – пробормотал кто-то в темноте.

– А если человеку нечем платить? – спросил Илья.

– Лежи в коридоре и подымай, – Евдокия понемногу успокоилась, сидела и тупо смотрела в пустоту. – А если дочке не дай бог мысль придет в голову – квартиру продать, у нее же ничего не останется. А куда дальше? На панель?

– Что решила делать? – спросил Илья.

– Что-что? Не суетиться... Так, кому сегодня сказку расскажем, бабоньки? Поможем парню? – и она хрипло засмеялась.

– Какой смысл? Они просто спят, – безвольно отмахнулся Илья.

– Мне, – вдруг прошептала старушка, лежащая рядом с Евдокией. Это была старенькая, худенькая, интеллигентного вида, женщина, глаза ее светились веселыми огоньками. Она была словно не от мира сего...

– Тебе? – удивилась Евдокия, – тебе Антонина сколько не рассказывай, все равно бесполезно... Вот, – повернулась она к Илье, – третья наша подружка. Валяется в коме уже второй месяц.

– Ну и что? – улыбнулась Антонина. – Сегодня я пальчиком на ноге пошевелила, только никто из врачей не заметил.

– Нужны мы им! – воскликнула Евдокия. – Пальчиком, говоришь? Скажи, Антонина, а тебе туда зачем? Что ты там забыла? Совсем одна, никого нет, ни разу навестить никто не пришел.

– Почему же, нет. Сын есть, живет за границей.

– За границей?! А тебя чего к себе не забрал?

– У них в Финляндии законы такие – мать не считается близкой родственницей, нельзя ее забрать.

– А кто же она – мать? – возмутилась Евдокия.

– Никто, – сказал Илья, – там законы такие.

– Вот, мать, перемать! И как там люди живут? Мать – не родня, дожили!

– Зато толерантно, – воскликнул Илья.

– Чего? – переспросила Евдокия.

– Ничего, это я так.

– Ну и что тебе терять в твои восемьдесят с лишком? –

продолжала Евдокия.

– Кактус.

– Не поняла?

– Когда мой мальчик был маленьким, он подарил мне кактус. Маленький пушистый зеленый шарик. Это было больше сорока лет назад. Стоял он у меня на подоконнике многие годы, рос, и вдруг зацвел. Случилось это десять лет назад. Такая прелесть. Я фотографию сделала, сыну отправила, а он написал, что теперь каждые 5-10 лет он непременно будет цвести. И действительно, несколько лет назад он снова зацвел, а больше месяца назад я заметила, что он в третий раз пустил бутончики. Я сыну позвонила, пообещала, что скоро – через месяц-другой снова вышлю фотографии. Он сказал, что будет ждать. А как он радовался! А потом...

– Сдох твой кактус давно, – воскликнула Евдокия, – кто его поливал?

– Соседка. Когда меня в больницу увозили, я еще в сознании была, попросила ее и ключи дала. Она замечательная женщина. Не забудет.

– Ну, и что?

– Уже, наверное, зацвел. Нужно мне домой попасть обязательно. Опять фотографию сделаю, мальчику своему pošлю.

– Фотографию? – неуверенно произнесла Евдокия и задумалась.

– Да-да! Я же обещала. Он ждет! Я словно вижу, как он

там распустился! А цветы у него большие белые, ни с чем не сравнишь! Мальчик мой ждет, а я тут лежу...

Снова знакомые шаги в конце коридора, снова люди притихли, а те топают и топают, все ближе и ближе. Остановились за углом, замерли и тишина.

– За ней? За Тонькой? – жестко спросила Евдокия.

Но в ответ снова тишина, а Антонина вдруг тонким нежным голосом запричитала:

– Не могу я сейчас. Мне домой нужно, я обещала, я не могу. Не пойду. Хоть убейте, не пойду. И не зовите.

– А я и не зову, – раздался знакомый грубый голос. – Обещала, так иди, кто же тебя держит?

Постояла за углом, помолчала, и тяжелый топот растворился в конце коридора. Вдруг приборы у изголовья Антонины начали издавать пронзительные звуки. Они, как маленькая сирена, огласили пространство вокруг. Антонина медленно приподнялась на подушке, потом села, и величественно посмотрела на людей. А глаза ее светились от счастья, в них были видны слезы. Через мгновение прибежала дежурная медсестра, она зажгла в холле свет, отключила Антонину от приборов, и повезла каталку за собой, приговаривая: – Очнулась, милая! Умница. Молодец, бабушка. Поехали, сейчас дадим таблеточку, покажем вас врачу. Вы умница! Вы, просто молодчина!

Снова темнота, в которой слышен голос Евдокии:

– Сестричка новенькая, неиспорченная еще девочка, лас-

ковая такая, люблю я ее, – потом обернулась к Илье, – ну, ты видел? Вот тебе и сказка. А ты лежишь там!

Илья был потрясен. Он пробормотал:

– Кактус... Какой-то кактус.

Вдруг сорвался с места и побежал.

– Куда? – засмеялась Евдокия и еще несколько женщин, сидевших рядом.

– Туда... К себе!... Мне надо! – уже слышался его голос из конца коридора.

– Надо, так надо, чего уж тут. Иди к своему, – довольно проворчала Евдокия, но он ее уже не слышал.

Теперь он истязал свое тело, вернее самого себя, метался по палате, кричал, топал, но от этого его ноги проваливались ниже пола, запрыгивал на свое тело, пытаясь ударить его по лицу, по щекам. Это так просто – открыть глаза, пошевелить рукой. Какой-то кактус – и человек жив, здоров. Он встает, он идет. Старухе уже за восемьдесят, но перед ней отступили, ее отпустили из-за какой-то идиотской фотографии для сына, которого она не видела десятки лет. А у меня – фирма, дело, жена, молодая жизнь! Ты должен встать с этой проклятой кровати, ты должен сделать это!...

Потом устал. Разве душа может уставать? – подумал он. Но отвечать на этот вопрос не мог, потому что очень устал. Так в бесцельных муках прошла еще целая неделя.

В пятницу небольшой консилиум собрался в его палате. Снова бесполезные прения, сложные непонятные термины, а в конце разговора, как приговор, ненавистное слово – ждать!

– Прошел уже целый месяц! – воскликнула Ольга.

– Ждать и еще раз ждать, – подвел черту нейрохирург.

Снова конверты перетекают в карманы врачей, они уходят, а эти двое, Алексей и Ольга, уже в который раз готовы попрощаться с ним, чтобы через несколько дней вернуться к обездвиженному телу вновь.

– Как хорошо, что они у меня есть, – думал Илья. Он и представить себе не мог, что бывает такое верное чувство. Как он в эту минуту любил этих людей, клял себя за то, что не ценил их раньше. Сейчас он без них не мог... Вдруг заметил у изголовья на тумбочке бумажник. Алексей забыл его, когда расплачивался с врачами. Прошло уже пару минут с момента, как они ушли. Но вот слышны шаги, дверь открывается. Он вернулся. Вернулся один, осмотрелся, взял бумажник, хотел было удалиться. Потом зачем-то обернулся и посмотрел на, лежащее на кровати, тело. Долго стоял так, а в глазах его мерцали веселые огоньки. Вдруг произнес:

– Лежишь? Ну-ну, лежи...

Он долго молчал, а выражение его лица постепенно менялось. Вдруг снова заговорил:

– А мы с ней спим. С твоей Оленькой! Да, спим!

– Сволочь. Падалыщик! Позарился на чужое! – прошептал Илья. Нет, не Илья, его бестелесная копия.

– Молчишь? Вот и молчи! – продолжал Алексей. – А кто сказал, что она твоя? Забыл, кто тебя пять лет назад с ней познакомил? Симпатичная девочка, на десять лет младше, юное красивое тело. Конечно, ты не мог не положить на нее глаз. Не твое, чужое. Не мог пройти мимо, глаза загорелись. У меня с ней все только начиналось, а тут ты со своими деньгами. Вскружил голову, завалил подарками? Может быть, я любил ее тогда, но тебе было наплевать! Мы с тобой были друзьями! Мы вместе столько лет! Вместе учились, потом работали.

– Щенок! – все больше заводился Илья. – После института ты бегал жалким курьером. Это я тебя подобрал на помойке и привел в свою фирму, дал все – должность, деньги!

Он готов был уничтожить его, стереть, заставить замолчать, но тот его даже не слышал.

– А потом я на тебя пахал, зарабатывал для тебя деньги, тащил фирму, пока ты с девками катался по заграницам. Это я работал на тебя, а ты даже не оставил мне право подписи. Даже кабинет свой, уходя, ты закрывал не только на ключ, но и на пломбу! От кого? От меня. Ты просто жлоб. Думаешь, пока ты катался, она тебя ждала? Молодая девчонка, красивое юное тело, столько желаний. Она делала то же, что и ты. А я все видел и знал. Это ты ее испортил. А ведь я любил ее!

... Пять лет назад. Больше не люблю. Теперь я ее просто... Знаешь – а она ничего, за эти годы многому научилась, раньше такой не была. Славненькая такая, миленькая. Молчишь? Вот и молчи. Жлоб! За все нужно платить!

Он ушел, а Илья бросился вдогонку. Он мчался по коридорам больницы, пытаясь его сбить с ног, раздавить, уничтожить. Потом улица, парковка, машина... Его любимая машина! Оля за рулем. Этот негодяй садится рядом, целует ее...

– Сегодня к тебе или ко мне? – спрашивает он.

– Мне все равно, милый, – отвечает Оля. Он нагло хватается за коленку.

– Перестань, не здесь, сумасшедший! – смеется она.

– Я тебя хочу! – настаивает он.

– Тогда ко мне – так ближе. Ну, перестань, дурачок!... Вот псих!... Маньяк!

И снова громкий хохот из машины. Из его машины, которая через мгновение срывается с места и исчезает!

Он был в бешенстве. Он был ослеплен безумной яростью. Не помнил, как вернулся в палату, потом носился по ней, как сумасшедший. Рычал, плакал, топтался по обездвиженному телу, бился головой о стены, но ничего не получалось – голова проваливалась сквозь них. Потом затих. Долго сидел так, не шелохнувшись, положив голову на руки. Плечи его обмякли. Не было у него плеч! Ни ног, ни рук! Ничего не было. Все досталось проклятому телу, которое предало его.

Да предало! Его предали все!

И снова в безумии он метался по палате, пока не наступила темнота...

– Куда исчез? – услышал он знакомый голос. Это была Евдокия.

– Неделю не появлялся, думала, встал уже.

– Это ты? – только и ответил Илья.

– Чего такой смурной?

Он промолчал.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – зло спросил он.

– А девушка ничего, ножки, бюстик, лет на десять младше тебя. Да?

– Да.

– Жена?

– Вроде того.

– Не дождалась? Будешь в следующий раз знать, как красивых выбирать.

– В следующий раз, – пробормотал он. Евдокия немного помолчала, с жалостью на него глядя. Потом заговорила вновь:

– Знаешь, у меня тоже когда-то был “вроде того”. Поначалу жили нормально. Мне уже было за тридцать. Родила ему дочку. Потом он начал пить. Когда в первый раз поднял на меня руку, спустила его с лестницы. А второго раза уже не и было. Стоит только позволить... Потом ишачила. Алименты

он не платил, да и к дочери не являлся. Забыл он нас, пропил. А она совсем крошечная. За ясли плати, за комнату в коммуналке плати, за одежду, коляску, подгузники. Много всего было нужно. А Москва – она бедных не прощает. Дочь в саду, а я с утра до вечера мажу, крашу, шпатлюю. Иногда по полторы смены. Сил уже не было и никого рядом. Как-то раз притащилась с работы, положила ее в кроватку и упала. А нужно стирать, еду готовить, кормить ее, укладывать спать, сказку на ночь. Чувствую, больше не могу. Сажу на полу и реву. А она, крошка моя, вдруг берется двумя ручками за прутья кровати, потом на коленочки, подтягивается, поднимается и стоит. Я валяюсь, а она стоит! В первый раз на ножки встала. И улыбается! Улыбку эту до сих пор забыть не могу. И откуда тогда силы взялись. Все смогла, все сделала, подняла ее, воспитала, выучила, в институт отправила. Только бы не повторила мою судьбу... А три месяца назад с лесов и грохнулась. Сколько же можно? Вот и лежу. А она каждый день ко мне приходит. Девочка моя... А ты говоришь – “вроде того”. Все будет, все получится, какие твои годы!

Евдокия замолчала, сидела и долго смотрела в окно, откуда слышался шум ночного города. И улыбалась. Он впервые видел, как эта, немного грубая суровая, женщина улыбалась. Наверное, в эту минуту она вспоминала дочь.

– Я тебе помогу. Очнусь и заплачу за твою операцию, – вдруг сказал Илья. Лицо Евдокии исказилось презрительной

grimасой, и она захохотала.

– Что? – не понял он.

– Не заплатишь.

– Почему?

– Мало ли, что во сне может присниться. Платить за какую-то маляршу, которую и знать-то не знаешь – ты в своем уме? Вернешься, закрутишься, завертишься, там все будет по-другому. Забыл что ли?

– Забыл. Ты права.

Вдруг она прошептала:

– О! Идет, старая! – и хитро прищурилась. Илья тоже замер, прислушавшись.

– Никого нет, ты ошиблась.

– Идет же, говорю, глухой что ли?

Он снова замер.

– Нет там никого.

– Как нет?

– Вот так! Давай, посмотрю.

– Не надо, – резко ответила она. – Идет, и пусть себе идет – не по наши души.

Теперь и он слышал звуки шагов, которые невозможно было спутать ни с чем. Вот они приблизились и тишина. Жуткая тишина.

– Как лотерея, – подумал он, – русская рулетка.

– И чего тут встала? – прошептала Евдокия, подмигнув, – заблудилась, пьяная, наверное.

Она зачем-то пригнула голову, положив на нее руки, и улыбнулась, прошептав:

– Боишься?

Сейчас Евдокия хулиганила. Он ничего не ответил, но инстинктивно тоже наклонил голову, почувствовав себя страусом.

– А мы спрячемся. А нас тут нет! – хихикала она, и поневоле Илья поддался ее настроению. Уже тихо смеялся, не в силах сдержать себя. Как можно играть в такую игру и при этом смеяться? – вдруг подумал он. – Привык? Как к такому можно привыкнуть?

– А нас тут нет! – продолжала веселиться Евдокия...

Вдруг из-за стены раздался громкий возглас: – Есть. Илья похолодел.

– Ты что, милая, ошиблась номером? – воскликнула Евдокия.

– Нет.

И снова тишина. Евдокия, став серьезной, удивленно спросила:

– За Муромцем?... Да он всех нас переживет.

– Нет, – слышалось из-за стены, – не нужен он никому. Давай, Евдокия, пора.

Евдокия подскочила на месте, перекрестилась и выдохнула:

– Отмучилась. Наконец.

Сделала несколько шагов к двери, вдруг побелела и оста-

новились, ее лицо исказило ужасом. Потом пробормотала:

– А, может....

– Нет, не может, – резко перебили ее.

– Я не хочу, я выберусь, у меня получится.

Теперь она пятилась все дальше, что-то говоря, дошла до стены, чуть не вывалившись сквозь нее на улицу, но устояла.

– Не получится. И никто тебе не поможет.

– Нет, – заорала Евдокия.

– Да! – ответил громкий голос, потом добавил, – дочь не мучай.

– Дочь, – прошептала Евдокия, – да, дочка моя, красавица, хорошая моя, девочка.

С каждым словом она все ближе подходила к стене коридора, пока не уперлась в дверь. Оставалось сделать шаг. Вдруг обернулась и через силу, прищулив глаза, весело сказала:

– Давай, Муромец, держись. Ты выберешься. Только, когда вернешься, не забывай, где побывал – так оно сподручнее. – И добавила еще: – А ведь тебя больше Муромцем никто и не назовет! – хрипло засмеялась и исчезла за стеной. Навеки, навсегда.

Когда тяжелые шаги утихли в конце коридора, он сорвался с места и побежал к кровати Евдокии. В холле уже включили свет и два врача возились с приборами, на которых синусоиды были стерты, и только зеленые линии чертили абсолютно ровные прямые.

– Приборы в порядке, – воскликнул один. – Доставай... Разряд... Еще разряд... Еще...

Но все было тщетно. Илья пошел по коридору в самый его конец, где недавно скрылась Евдокия. В палату возвращаться не хотел, куда идти – не знал. “Не нужен он никому” – звучало в голове. Перешагнув сквозь стену отделения, безвольно поплелся, сам не зная куда. Вышел на улицу, долго двигался в темноте, никого не замечая, а по дороге ехали припозднившиеся машины, сновали какие-то тени. Была ночь. Кромешная, темная ночь.

Спустя какое-то время с удивлением взглянул на дом, у которого находился уже достаточно долго. Здесь он еще недавно жил. Посмотрел на окна своей спальни, которое светилось тусклыми огоньками ночника. Этот удивительный светильник, инкрустированный разноцветными камнями и украшениями, когда-то он подарил на Новый год Оле. Та подарок сразу же распаковала и понесла в спальню, поставив на самом видном месте, зажгла, и причудливые фигурки поплыли по потолку и стене. Она была в восторге. Оля любила диковинные игрушки. Потом они вдвоем улеглись на кровати и долго смотрели в потолок. Так всю Новогоднюю ночь и провалялись... Ночник и сейчас светил, а фигурки плыли в своем грациозном движении, только не для него. Больше идти ему было некуда. “Никому он не нужен”, – снова вспомнил он.

Множество людей сидели, свесив ноги, на самом краю крыши. Они напоминали стаю, которая готовилась совершить полет, только ждала команды, напоминали тайный орден, в который все были посвящены. Делали они одно и то же – в ожидании, пристально всматривались вдаль. Люди молчали. Казалось, они абсолютно понимают друг друга без ненужных слов, и какая-то необъяснимая тайна объединяла их. Илья долго стоял у маленькой беседки-ротонды, и смотрел на них, голова не кружилась, он больше не боялся высоты. Поймал себя на мысли, что немного завидует этим людям-теням. Все они в этот миг были вместе, а он один. Абсолютно один. Среди них легко разыскал Юну. Не узнать ее было трудно. Она была в том же легком платьице небесно-голубого цвета. Была легкая, воздушная, а нежный ветерок обдувал ее стройную фигурку. Он подошел, сел рядом. Юна повернула голову, совсем не удивилась, улыбнулась и волшебные искорки заиграли в ее глазах. Девушка была удивительно красива, и на мгновение он забыл обо всем. Вдруг она вскочила, подошла к Ворчуну и сняла с него пиджак. Тот с неудовольствием бросил взгляд на Илью, но ничего не сказал. Потом Юна вернулась и накинула его на плечи Илье. Он удивился:

– Зачем?

– Чтобы тебе было теплее, – воскликнула девушка, устраниваясь рядом.

– Ты забыла – мы не умеем мерзнуть.

– Нет, – вздохнула она, – я не забыла, – просто хотела сделать тебе что-нибудь приятное.

– Тебе это удалось, – с благодарностью произнес он. Юна положила ему голову на плечо, и они стали смотреть на далекий горизонт, который начал окрашиваться огненным расцветом. Долго сидели так, наблюдая за волшебством – за сказкой, которая рождалась с новым днем. Солнце словно высвобождалось из лона матери, и, отрываясь от горизонта, сверкало все ярче. Уже слепило глаза, но закрывать их не хотелось, наоборот, он широко раскрыл их и с трепетом встречал день, который для него наступал. А город спал. По проспекту шатались тени; не замечая их, проезжали редкие машины; люди в домах, зашторив занавески, безмятежно спали, не думая ни о чем и не ведая, как здесь красиво, как удивительно хорошо. А они сидели на самом краешке крыши, свесив ноги, и смотрели далеко вперед. Как странно, – подумал он, – смотреть на солнце, не щурясь, и не закрывая глаз. И вдруг понял – столько света в его жизни еще не было никогда.

– Тебе хорошо? – вдруг спросила она.

– Да...

Они долго молчали, глядя на дивный рассвет над городом, где крыши золотились, словно купола. Неожиданно для себя,

он пробормотал:

– А знаешь, больше ничего и не нужно.

– Нужно, – прошептала Юна.

– Что?

– Не скажу, – и она загадочно улыбнулась. – Это тайна.

Это твоя сказка, и ты ее придумаешь сам...

– Пиджак верни!

Ворчун нависал над ним, презрительно улыбаясь. Илья снял пиджак и отдал ему. Потом осмотрелся. Люди, недавно сидевшие рядом, куда-то исчезли. Он и не заметил, когда это произошло, как не помнил, сколько времени здесь провел. Теперь их оставалось трое – девушка, он и человек, которого почему-то называли Ворчуном. Или не человек вовсе, – подумал Илья. А Ворчун на него продолжал смотреть, прищулив глаза, в которых искрились наглые огоньки. Вдруг он сказал:

– С прибытием. Добро пожаловать. Поздравляю, допрыгался.

– Спасибо, – пробурчал Илья. Только теперь он сумел разглядеть его внимательнее. Это был невысокого роста человек. Его тщедушное тело изгибалось, напоминая вопросительный знак или червя, который был насажен на рыболовный крючок в ожидании скорой расправы. Лицо его было худым, и, что главное, наглым, глазенки колючими иголками сверлили все, на что смотрели, щеки, как у покойника, ввалились черными треугольниками, лоб был испещрен тонкими морщинами, а нос... Нос тоже был наглым – с горбинкой и одновременно курносый. Как такое возможно – было непонятно. Подбородок напоминал загнутый крючок, кото-

рый нагло торчал. И уши. Они тоже были наглыми. Оттопыривались, словно маленькие локаторы, и, по-видимому, слышали абсолютно все. А на шее этого маленького чудовища, развеваясь на ветру, болтался длинный наглый шарф. И так захотелось схватить за него, дернуть что было сил, и придушить этого маленького тщедушного наглеца.

– Чего смотришь? – вдруг спросил Ворчун, заметив на себе долгий взгляд.

– Любуюсь, – пробурчал Илья.

– Ну и как у нас, нравится? – противно захихикал тот.

– Да иди ты! – воскликнул Илья.

– Перестаньте, мальчики, – спокойно произнесла Юна, и двое мужчин почему-то послушавшись ее, умолкли. Наконец, Ворчун вежливым тоном галантно спросил:

– Что собираемся делать?

– Не знаю, – ответил Илья. В эту минуту он действительно ничего не знал.

– Он здесь ненадолго, – вмешалась Юна. – Человек у нас в гостях, это я его пригласила, скоро он вернется в свою жизнь. Да?

Илья промолчал, а Ворчун проворчал:

– Ну-ну. Готов в это поверить!

– А что? – вдруг спросил Илья.

– Как? – громко засмеялся Ворчун. И этот зловещий смех резанул слух. Он действительно не знал ответа на этот вопрос.

– Поговори с ним, Ворчун, – попросила Юна. – Ты можешь. Ты должен ему помочь. Ты все знаешь.

– На кой он мне? – отмахнулся Ворчун, но девушка продолжала:

– Не ерничай, перестань... Ну, Ворчун, ты хороший, добрый, ты самый умный...

Ворчун от этих слов довольно покраснел.

– Еще.

– Что? – улыбнулась девушка.

– Хочу еще.

– Хорошо... Ты самый... мудрый, чуткий, ты внимательный.

– М-да, я такой, – довольно проворчал Ворчун.

– Ты умница, ты все знаешь, все понимаешь.

– Еще!

– Ты настоящий...

– Кто?

– Мужчина!

– Вот!

– Настоящий мужик. Красавец!

– Да! Да! – все выше возносился над крышей Ворчун. – Хочу еще!

– Ты... Так, все, хватит, – резко оборвала девушка.

– Почему? – опешил Ворчун, свалившись на крышу.

– На сегодня хватит. А теперь поговори с ним. Ты обещал!

– Поговорить?... – и Ворчун, прищулив глаза, уставился

на Илью. – Хорошо.

– О чем мне с ним говорить? – отмахнулся Илья.

– А вот о чем, – по-деловому заговорил тот. – Ты хочешь назад?

– Да, – рассеянно ответил Илья.

– Сейчас мы поиграем в одну игру. Игра простая. Я буду задавать вопросы, а ты на них отвечать. Понял?

– Нет, – отозвался Илья.

– Не важно, поймешь, начали. Игра называется – “Зачем”.
Итак.

Он немного помолчал, серьезно глядя на Илью, вдруг спросил:

– Тебе туда зачем?

– Как это?

– Не отвечай вопросом на вопрос. Говори правду.

– Идиотский вопрос.

– Хорошо, спрошу по-другому. Что у тебя в той жизни есть?

– Все, – недоуменно ответил Илья, а Ворчун засмеялся.

– Все? – уже хохотал он. – У тебя? Что у тебя может быть?

Что ты знаешь про “все”?

– У меня есть все, – уже громче ответил Илья.

– Конкретнее! – резко перебил Ворчун.

– Есть бизнес.

– Зачем?

– Что “зачем”?

– Зачем он тебе?

– Ты ненормальный?

– Не отвечай вопросом на вопрос. Продолжай.

– Чтобы делать деньги.

– Делать! Зачем деньги?

– Чтобы тратить.

– На что?

– Покупать машины, ездить по миру, ходить по ресторанам.

– Еще, – заводился Ворчун.

– Покупать тряпки, золото, играть в казино... Что ты смеешься, придурок?! – не выдержал он.

– Еще!

– Встречаться с друзьями в дорогих кабаках, ездить на охоту, на рыбалку, – уже кричал Илья, – строить виллу на море, пить дорогое вино, есть вкусную жратву, черт возьми, спать с красивыми женщинами...

– Стоп, – перебил Ворчун. Он перестал смеяться и стал серьезен. – Это все?

– Все? Да у меня на валютном счету больше миллиона!

– Тебе не стыдно?

Короткая пауза повисла в воздухе над крышей.

– Не понял? – удивился Илья.

– Теперь отвечай, зачем тебе все это?

– Не понимаешь?

– Опять отвечаешь вопросом на вопрос.

Илья зло уставился на Ворчуна, а тот спокойно продолжил:

– Ты просто животное. Тебе Богом дано уникальное творение, которое называется телом. С его помощью ты можешь практически все, а ты обращаешься с ним, как со столовым прибором. Из пушки по воробьям. То, что ты мне только что перечислил – короткая тропинка от холодильника к сортиру. А про сортир я не спрашивал. Спрашивал я – что у тебя есть. Ты можешь ответить на этот вопрос?

Илья какое-то время растерянно молчал.

– Есть семья.

– Ну да, слышаны. Дети?

– Ну, есть.

– Ну или есть?

– От первого брака сын.

– А встречаешься ты с ним раз в году.

– В полгода.

– Ну-ну.

– Он живет в другом городе! Но я высылаю деньги.

– Опять деньги? Зачем машина?

– Чтобы ездить.

– Куда? Зачем? Зачем квартира? Зачем золото? Шлюхи?

Что-нибудь еще можешь вспомнить?

– Ты ненормальный? Так живут все. Больше ничего нет. Другого людям не дано!

– Дано, – зло прорычал Ворчун. Какое-то время оба мол-

чали.

– Дно, – равнодушно произнес Ворчун.

– Что? – не понял Илья.

– Твоя жизнь – дно, помойка – повторил он. – И ты хочешь в нее вернуться?

– Конечно!

– Не получится.

– Почему?

– Удивлен, что тебя обратно не пускают? Такое нужно заслужить. Всю свою жизнь ты обслуживал только низменные инстинкты. Ты сорняк, который паразитировал за счет других.

– Сорняк?! Я работал в поте лица! Я с нуля поднимал дело!... Да кто ты такой? Мне наплевать на твое мнение!

Илья замолчал, задохнувшись от ярости, наконец, немного успокоившись, спросил:

– Говоришь – “других”? Если ты такой умный, скажи, что с другими? Почему это случилось не с ними, а со мной? Что я такого сделал?

– Что сделал? – Ворчун захихикал. Смеялся он гнусно, противно, с удовольствием издеваясь и ерничая.

– Однажды ты имел неосторожность задуматься, имел несчастье задать себе вопрос – “зачем”. Ты приоткрыл запретную дверцу, так сказать, подсмотрел в замочную скважину. Помнишь, на пляже твоя дурная голова перегрелась и забыла обо всем? Тогда ты и раскрыл слепые глаза, в

первый раз посмотрев на мир. А потом вывалился из него в действительность. Но назад дороги нет.

– А другие? Почему с ними такое не происходит?

– Другие?... Живут себе в слепоте, ничего не замечая, не думают ни о чем. Но, стоит задать себе этот вопрос, начинается интересная игра. Вот ты и попал.

– Что же делать? – растерянно спросил Илья.

– Играть дальше!

Ворчун стал серьезен. Он смотрел вдаль, где яркое солнце уже высоко поднялось над горизонтом, залив город ослепительным сиянием. Оно заглядывало в самые укромные закоулки. Это солнце уверенно занимало место на голубом небе. По-видимому, оно знало, что делало и зачем находилось здесь. Ворчун снова заговорил, прищулив глаза, глядя вдаль, а голос его был тихим и уставшим. В нем слышалась боль человека, который мучительно принимал важное решение. Казалось, в этот миг он говорит не с Ильей, а с самим собой:

– Что делать?... Теперь ответь на последний вопрос – какой толк в твоей никчемной жизни? Есть хотя бы одна из причин, благодаря которой ты должен туда вернуться? Найди ее, и ты снова окажешься там. Все просто, – и снова замолчал.

Долгая пауза повисла в воздухе. Эти трое молчали, думая каждый о своем.

– Просто? – наконец пробормотал Илья.

– Да, девочка моя, просто? – очнулся Ворчун, улыбнувшись Юне.

– Конечно, – в ответ улыбнулась она.

– ВСЕ ПРОСТО! – Ворчун вдруг подпрыгнул и побежал по крыше, удаляясь все дальше, крича эти слова.

– ПРОСТО! ПРОСТО! ПРОСТО! – эхом разносился его голос, оглушая окрестности.

– ПРОСТО! – его пиджак, как одеяние фокусника виляло из стороны в сторону. Длинные полы выделявали немислимые пируэты, ножки подпрыгивали, выписывая замысловатые зигзаги. И тут Ворчун выпрямил свое щедедушное тельце. Он сорвался с крючка.

– ПРОСТО! – в последний раз выкрикнул он. Приблизившись к противоположному краю крыши, высоко подпрыгнул и пулей устремился вниз, исчезнув совсем.

Разобьется! – первое, что мелькнуло в голове. – Хотя с такими ушами спланирует, как самолет...

– Ненормальный! – пробормотал Илья. Он был в растерянности. Он ничего не понимал. Долго стоял, мучительно соображая и бормоча:

– Зачем?... Зачем мне отвечать на этот вопрос?!... На кой черт я должен на него отвечать?

Вдруг в отчаянии закричал: – Неужели нельзя, как все нормальные люди, встать и пойти. Ногами, черт бы их побрал! Ботинками! Подошвами! ЗАЧЕМ?! Идиотизм! Зачем какие-то вопросы?!

– Странный ты. Смешной! – вдруг услышал он тихий возглас. Юна находилась рядом и внимательно своими большими глазами за ним наблюдала. В этом взгляде была мудрость женщины или матери, может быть, человека, который прожил долгую-долгую жизнь и знал о ней все. Почти все.

– Он ненормальный, – повторил Илья. – И ты ненормальная! – в сердцах воскликнул он, поймав на себе ее взгляд.

– Хорошо, и я, – мягко с улыбкой произнесла девушка.

– Пожалуй, теперь и я тоже, – усаживаясь на крышу, устало, безвольно прошептал он.

– Пойдем! – произнесла девушка.

– Опять? Куда?

– Ты же хотел вернуться в свой мир. Или передумал?

– Какой-то бред. Послушай, кто вы такие? Кто ты, кто этот идиот с лицом заносчивого дегенерата, остальные там внизу, на крыше – мыльные пузыри?

– Люди, – улыбнулась она. – Вернее те, кто скоро ими станут. Многие из них уже прожили не одну жизнь, потом прошли непростой путь, и снова вернулись сюда. Скоро они обретут свое новое воплощение, и опять будут жить.

– Проще нельзя? Найдут младенцев и поселятся в них. Так что ли?

Девушка засмеялась. – Вроде того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.